

Шахматов Алексей Александрович

**Обозрение летописных сводов
Руси северо-восточной**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
А47

А47 **Алексей Александрович Ш.**
Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной / Шахматов Алексей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 137 с.

ISBN 978-5-521-30725-8

ISBN 978-5-521-30725-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стій Лаврентьевской лѣтописи оказывается тверского происхожденія; между ними, въ весьма впрочемъ незначительномъ числѣ, попадаются извѣстїя, касающіеся Смоленска, Переяславля, Рязани и даже Костромы. Въ послѣднихъ строкахъ изслѣдованія подводятся результаты, къ которымъ пришелъ авторъ. «Итакъ, разсмотрѣвъ составъ Лаврентьевскаго свода, мы видимъ, что въ него, кромѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и южно-русскихъ лѣтописей, вошли извѣстїя, записывавшіеся сначала по преимуществу во Владимірѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ, Суздальѣ и Твери; есть также нѣсколько извѣстій костромскихъ и ярославскихъ, переславскихъ и рязанскихъ».

Изслѣдованіе г. Тихомирова, какъ замѣчно и выше, не задается цѣлью объяснить происхожденіе Лаврентьевскаго сборника, не пытается указать, какіе рукописные источники послужили при составленіи этого свода, въ какихъ именно памятникахъ сводчикъ находилъ, съ одной стороны, ростовскія, съ другой владимирскія и другія погодныя записи, не старается, наконецъ, выяснить, предшествовалъ ли изслѣдуемому своду XIV в. другой болѣе древній сводъ, обнимавшій, напр., событія только до начала или до середины XIII вѣка, подобно тому, какъ въ основаніи его лежитъ сводъ, составленный въ началѣ XII вѣка — Повѣсть временныхъ лѣтъ. Авторъ занялся цѣлью прослѣдить по Лаврентьевскому сборнику ходъ лѣтописанія сѣверо-восточной Руси, почему онъ дѣлаетъ постоянныя (хотя и не систематическія) ссылки на другіе лѣтописные своды, гдѣ сохранились мѣстные записи о событіяхъ суздальской Руси, не вошедшія въ Лаврентьевскій сборникъ. Авторъ стремится доказать, что со второй половины XII столѣтія появляется на сѣверо-востокѣ Россіи лѣтопись, которая сначала ведется въ главныхъ центрахъ — Владимірѣ и Ростовѣ, а постепенно возникаетъ и въ другихъ городахъ суздальской области. «Дѣти и внуки Всеволода, разбѣгавшіеся по разнымъ городамъ сѣверо-восточной Руси, даютъ толчекъ къ развитію лѣтописанія въ своихъ стольныхъ городахъ; каждый городъ, гдѣ сидитъ князь, старается сохранить въ своемъ родномъ городѣ память о важныхъ событіяхъ, какъ въ жизни княжеской, такъ и цѣлаго княжества и родного города». Мнѣ кажется, что г. Тихомировымъ не приведено убѣдительныхъ данныхъ для такого утвержденія. Правда, разсмотрѣніе Лаврентьевскаго сборника, а также другихъ лѣтописныхъ сводовъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что существовали лѣтописи, веденныя во Владимірѣ, Ростовѣ и Твери, но для доказательства существованія лѣтописей въ другихъ городахъ сѣверо-восточной Руси требуется во всякомъ случаѣ болѣе данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя извлечены г. Тихомировымъ изъ Лаврен-

твѣскаго и другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Сомнѣваться въ существованіи лѣтописи, веденной въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, нельзя, въ виду дошедшаго до насъ списка этой лѣтописи: списокъ этотъ ясно доказываетъ, что лѣтопись была составлена въ 1214—1219 году, при чемъ въ основаніе ея былъ положенъ Владиміръскій сводъ, составленный въ 1206 году и сохранившійся въ Радзивилловскомъ, а также въ древнѣйшей части Академическаго списка Суздальской лѣтописи. Переяславская лѣтопись ясно показываетъ, что въ мѣстные лѣтописные своды входили извѣстія не только мѣстнаго характера, относящіяся къ той или другой области, къ тому или другому городу, но также извѣстія о происшествіяхъ, имѣющихъ общій политическій или общественный интересъ. Такъ, въ самостоятельной части этой лѣтописи, обнимающей восемь годовъ (1207—1214) и составленной въ Переяславлѣ (ср. рассказъ 1213 года о прибытіи Ярослава Всеволодовича въ Переяславль), мы находимъ не только переяславскія извѣстія (напр. о женитбѣ Ярослава въ 1214 году), но и извѣстія, важныя и интересныя для всего суздальскаго края: такъ, здѣсь подробно описаны событія, вызванныя смертью Всеволода (междоусобія между его сыновьями), рассказано о походѣ Всеволода противъ рязанскихъ киязей, сообщено нѣсколько извѣстій, касающихся частной жизни великокняжеской семьи (вторая женитьба Всеволода въ 1211 году, женитьба Юрія Всеволодовича въ 1212 году, рожденіе у Константина Всеволодовича сына Юліана въ 1211 году и т. д.), приведены, наконецъ, нѣкоторые событія, имѣющія общецерковный интересъ, каковы: поставленіе Пахомія епископомъ Ростову, построеніе въ Ростовѣ церкви св. Богородицы. Можно ли на основаніи послѣдняго изъ упомянутыхъ здѣсь извѣстій заключать, что составитель лѣтописи Переяславля Суздальскаго пользовался, описывая событія 1207—1214 годовъ, между прочимъ, ростовскою лѣтописью? Можно ли на основаніи извѣстій 1209 года о кончинѣ Ольги Владиміровича въ Бѣлгородѣ, гдѣ онъ похороненъ у св. Спаса, заключать о пользованіи переяславскимъ лѣтописцемъ лѣтописью рязанскою? Конечно, нѣтъ. Если мы предположимъ, что лѣтописецъ былъ лицомъ близкимъ къ переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу, намъ будетъ ясно, откуда могли дойти до него извѣстія рязанскія: Ярославъ Всеволодовичъ въ 1208 году былъ посаженъ отцомъ въ Рязани; такъ же объяснятся происхожденіе многихъ другихъ извѣстій, какъ о событіяхъ, въ которыхъ этотъ князь принималъ участіе, такъ и о событіяхъ, касающихся родственныхъ этого князя. То же относится и къ другимъ лѣтописямъ и между прочимъ къ тѣмъ сводамъ, изъ которыхъ составлялся Лаврентьевскій сборникъ. Разсматривая извѣстіе 1225 года о нападеніи Литвы на новгородскія владѣнія и объ отраженіи ихъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, похвалившимъ «по нпхъ не Переяславля», г. Тихомировъ заключаетъ, что

это извѣстіе записано въ Перелаславѣ. Но сравненіе этого мѣста Лаврентьевской лѣтописи съ соответствующимъ мѣстомъ Новгородской 1-й лѣтописи указываетъ на тѣсную связь его съ извѣстіемъ, читающимся въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1226, а въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1227 годомъ: походъ Ярослава Всеволодовича, князя Новгородскаго, на Емь за море, «гдѣ же ни единъ отъ князей русскихъ не возможе бывати». Несомнѣнно поэтому, что связать извѣстіе 1225 года съ Перелаславлемъ нельзя, но несомнѣнно также, что оно записано лицомъ, близкимъ къ перелаславскому князю, ставшему въ 1225 году новгородскимъ, — Ярославу Всеволодовичу. Такъ же трудно согласиться признать вслѣдъ за г. Тихомировымъ, чтобы извѣстія, касающіяся постройки ярославскихъ церквей во имя Успенія Богородицы и Спаса Преображенія, при пожара 27 іюня 1221 года, были записаны въ Ярославѣ. Приведя слова изъ извѣстія о пожарѣ въ Ярославѣ — «дворъ же княжъ, силою креста честнаго и молитвою добраго Константина избы огня», г. Тихомировъ вѣрно замѣтилъ, что они обязаны книжескаго приверженца. Но отчего не допустить, что лицо это во время самаго пожара, равно какъ во время постройки названныхъ церквей, находилось при великомъ князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ, а послѣ его смерти при его семействѣ, т. е. въ Ростовѣ? Во всякомъ случаѣ, этого «приверженца» Константина естественно отождествить съ «приверженцемъ Константиновымъ», записывавшимъ лѣтописныя извѣстія въ Ростовѣ отъ 1213 до 1218 и «сторонникомъ Константина», занесшимъ въ лѣтопись извѣстія о событіяхъ во Владимірѣ въ 1218 году. Уже подъ 1206 годомъ г. Тихомировъ отмѣчаетъ извѣстіе, благосклонное къ Константину и записанное очевидцемъ; подъ 1207 годомъ онъ указываетъ на извѣстіе объ освященіи 25-го полбрия церкви св. Михаила, записанное «приверженцемъ Константина въ Ростовѣ». Не ясно ли, что на протяжении 1206—1221, а также и слѣдующихъ годовъ (ср. ростовскія извѣстія подъ 1231 годомъ), мы встрѣчаемся все съ однимъ и тѣмъ же лѣтописцемъ, лицомъ преданнымъ князю Константину Всеволодовичу и его семейству, сопутствовавшимъ ему въ его походахъ (ср. соображенія г. Тихомирова по поводу извѣстія 1206 г., гдѣ говорится о торжественной встрѣчѣ Константина въ Новгородѣ) и временно жившимъ вмѣстѣ съ княземъ во Владимірѣ (въ 1217—1218 г.)? Подобнымъ же образомъ, рассматривая извѣстія, записанныя, по мнѣнію г. Тихомирова, въ Суздаль, Юрьевъ (с. 266), Костромѣ и др. городахъ, мы легко придемъ къ заключенію, что они могли быть записаны и въ одномъ изъ другихъ политическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературныхъ, центровъ сѣверо-восточной Руси. При этомъ окажется, что перѣдко мы имѣемъ дѣло не съ трудолюбивыми записками мѣстнаго патріота и не съ успѣхами городовъ сохранять память о важныхъ событіяхъ, а съ лѣтописью, болѣе ши-

рокою по своему характеру, повѣствовавшею о событіяхъ, имѣвшихъ интересъ для цѣлой области, а другой разъ и для всей Руси: такая лѣтопись велась при дворѣ того или другого князя; политическое значеніе князя опредѣляло содержаніе и характеръ лѣтописи; его походы, политическіе успѣхи, благочестивыя дѣянія, родственныя связи и т. д. — вотъ что вызывало запись и служило основаніемъ для лѣтописи. Впрочемъ, и далекъ отъ мысли обобщать черты нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ лѣтописей и распространять ихъ на все древнее лѣтописаніе. Въ 1-хъ, не всегда событія передавались съ тою или другою субъективною окраской, зависѣвшею отъ симпатій или антипатій къ тому или другому князю; поэтому по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сводамъ нѣкимъ образомъ нельзя заключить, вокругъ какой политической личности они составлены; во 2-хъ, мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе лѣтописей некиевскихъ (таковы, напр., новгородскія лѣтописи). Но разсмотрѣніе хотя бы тѣхъ обрывковъ ростовской лѣтописи, которые прослѣжены г. Тихомировымъ по Лаврентьевскому своду, или еще изученіе перелазской лѣтописи, въ извѣстіяхъ которой почтенный изслѣдователь справедливо открываетъ приверженца Юрія и Ярослава, противника Константина (с. 258), приводитъ насъ къ другому болѣе общему выводу: наши лѣтописи не были оффиціальными актами, памятными записками, механическою сплвкой разнороднаго матеріала, — это были литературныя произведенія, дававшія широкій просторъ личному чувству автора, считавшаго себя полнымъ и безотвѣтственнымъ хозяиномъ накопленнаго имъ матеріала — предшествовавшихъ лѣтописныхъ сводовъ, лѣтописей, веденныхъ другими лицами, сказаній, извѣстій по другимъ памятникамъ. Большинство нашихъ лѣтописныхъ сводовъ безыменно, по тѣмъ же не менѣе характеръ ихъ таковъ, что изслѣдованіе каждаго изъ нихъ должно начинаться съ опредѣленія личности составителя свода (времени, мѣста, обстоятельствъ, при которыхъ онъ работалъ). Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ, дошедшіе до насъ лѣтописные своды предполагаютъ существованіе другихъ болѣе древнихъ сводовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Поэтому изслѣдованіе ихъ должно приводить къ опредѣленію (предположительному) этихъ основныхъ сводовъ; дальнѣйшее изслѣдованіе должно открывать, не происходятъ ли такіе основные своды изъ сводовъ еще болѣе древнихъ и первоначальныхъ. Первоначальный лѣтописный сводъ, входя въ составъ другого позднѣйшаго, могъ обособляться сказаніями, а также извѣстіями, заимствованными изъ другихъ сводовъ, другихъ памятниковъ, или записанными на основаніи устнаго преданія; самъ онъ составлялся частью на основаніи какихъ-нибудь литературныхъ произведеній, частью же на основаніи устнаго преданія, народныхъ сказаній, рассказовъ современниковъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ анализа состава какого бы то ни было лѣтопис-

наго свода, должны получиться данныя, свидѣтельствующія, съ одной стороны, о болѣе древнихъ литературныхъ произведеніяхъ, съ другой—о народныхъ сказаніяхъ и устныхъ разсказахъ, существовавшихъ въ эпоху составленія свода. Г. Тихомировъ, повидяному, смотритъ на дѣло иначе: составными частями, напр., Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода, онъ признаетъ: 1) сказанія, отдѣльность которыхъ несомнѣнна, 2) погодныя лѣтописныя замѣтки. Рѣшительно не соглашаясь признать правильность такого анализа. Сказанія, правда, могли дойти до составителя свода и въ отдѣльномъ видѣ, но въ большинствѣ случаевъ онъ знакомился съ ними или изъ другихъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, или изъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ, или, наконецъ, изъ устнаго преданія. Слѣдовательно, нѣкоторыя сказанія могли попасть въ сводъ изъ одного общаго источника съ тѣмъ матеріаломъ, который г. Тихомировъ называетъ погодными записями, а именно изъ другого болѣе древняго свода. Но въ такомъ случаѣ нельзя отдѣлять сказаній отъ погодныхъ записей и не зачѣмъ допускать знакомство сводчика со сказаніемъ въ отдѣльномъ его видѣ, между тѣмъ какъ онъ могъ его знать въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Во всякомъ же случаѣ дѣленіе лѣтописнаго матеріала на сказанія и погодныя записи произвольно: это доказываетъ и изслѣдованіе г. Тихомирова, который вмѣстѣ съ погодными записями разсматриваетъ рядъ сказаній, имѣющихъ, казалось бы, такое же точно право на отдѣльное разсмотрѣніе, какъ выдѣляшныя имъ шесть сказаній. Таково извѣстіе о Леонтіанской ереси, признаваемое предположительно самимъ авторомъ за «отдѣльную запись» (с. 245); таково же «сказаніе» о Ѳеодорцѣ, епископѣ Владимірскомъ (с. 247), «сказаніе» о подвигахъ Михаяла Юрьевича противъ Половцевъ (с. 247), «сказаніе» о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ (с. 248) и т. д. Итакъ, мы видимъ, что автору не удалось установить признаковъ, по которымъ тотъ или другой разсказъ можетъ быть отнесенъ къ сказаніямъ или погоднымъ записямъ. Это зависитъ отъ того, что «погодныя записи» не могутъ быть признаны особымъ литературнымъ родомъ; подъ этимъ терминомъ нельзя не понимать и сказаній о современныхъ лѣтописцу событіяхъ, записанныхъ имъ рядомъ съ краткимъ извѣстіемъ о какомъ-нибудь несложномъ и маловажномъ происшествіи; подъ этотъ же терминъ подойдутъ сказанія, составленные самимъ лѣтописцемъ—сводчикомъ на основаніи личныхъ своихъ впечатлѣній, слуховъ или устныхъ преданій. Конечно, г. Тихомировъ понимаетъ все это не хуже меня, и разсмотрѣніе лѣтописнаго матеріала подъ рубриками «отдѣльныхъ сказаній» и «погодныхъ записей» вызвано просто удобствами изложенія. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что такой пріемъ во всякомъ случаѣ можетъ вызвать недоразумѣнія, я не могу признать его правильнымъ еще потому, что онъ оставляетъ

въ тѣхъ тѣ дѣйствительные источники, опредѣленіе которыхъ составляетъ прямую задачу послѣдователя: я говорю о тѣхъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, гдѣ уже заключался весь тотъ матеріалъ, который старается расчленилъ г. Тихомировъ, т. е. какъ погодныя записи, такъ и сказанія. Анализъ Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода ставить г. Тихомирова лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми *сказаніями*, бывшими пзвѣстными сведчику (какому? Лаврентію или составителю болѣе древняго свода?), и съ *погодными записями*, ведшимися во Владимирѣ, Ростовѣ, Суздаль и т. д. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что такой анализъ долженъ привести къ восстановленію нѣсколькихъ *лѣтописныхъ сводовъ*, предшествовавшихъ тому, который дошелъ до насъ въ спискѣ 1377 года, и послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другой. Впрочемъ, въ этомъ несомнѣнно убѣжденъ и г. Тихомировъ, прямо указывающій на то, что въ составъ Лаврентьевскаго сборника вошелъ между прочимъ болѣе древній сводъ — «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Но почему же онъ не попытался опредѣлить эти слѣдовавшіе другъ за другомъ своды, почему онъ не размоталъ сложнаго клубка, составившагося окончательно въ XIV вѣкѣ, огранчившись указаніемъ на то, что клубокъ состоитъ изъ нѣтокъ разнаго цвѣта, разной доброты? А между тѣмъ опредѣленіе состава нѣкоторыхъ изъ сводовъ, предшествовавшихъ Лаврентьевскому, не можетъ представить особыхъ трудностей. Такъ сравненіе Лаврентьевскаго списка съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и съ лѣтописью Переяславля Суздальскаго приводитъ къ восстановленію владимирскаго лѣтописнаго свода, составленнаго въ началѣ XIII-го вѣка. Въ этомъ сводѣ начала XIII-го в., въ связи съ остальнымъ лѣтописнымъ матеріаломъ, читались три сказанія XII-го вѣка, которыя г. Тихомировъ, анализируя сводъ XIV вѣка, выдѣляетъ изъ всего его состава. Я еще болѣе утверждаюсь въ мысли, что г. Тихомировъ не ставилъ себѣ задачей анализъ Лаврентьевскаго свода, а хотѣлъ только, въ связи съ обзоромъ его содержанія, доказать существованіе и послѣдовательное развитіе лѣтописанія въ городахъ сѣверо-восточной Руси. Все же путь, имъ избранный, не можетъ быть признанъ удачнымъ: въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что записи о современныхъ событіяхъ велись въ Ростовѣ, Владимирѣ, Ярославлѣ, Суздаль и т. д. въ XII—XIII вѣкѣ. Но мы видѣли выше, что существованіе лѣтописныхъ записей въ Суздаль и Ярославль не доказано: это убѣждаетъ, что приемы изслѣдованія невѣрны и что достиженіе нѣкоторыхъ достовѣрныхъ результатовъ (доказательство существованія Владимирскихъ и Ростовскихъ записей), при помощи тѣхъ же приемовъ, обрѣтено только случайно. Г. Тихомировъ дѣйствительно далъ бы намъ картину развитія лѣтописанія въ суздальской Руси, если бы опредѣлялъ, кѣмъ, когда и при какихъ условіяхъ составлена была владимирская и ростовская лѣтописи, свидѣтель-

ства о которыхъ сохранились въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, а частью и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Такая картина несомнѣнно разъяснила бы намъ то, что остается неяснымъ въ выводахъ автора: почему лѣтописнымъ извѣстія записывались сначала по преимуществу во Владимирѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ и Твери. Ростовъ древнѣе Владимира, въ немъ жилъ епископъ еще тогда, когда Владимиръ былъ несомнѣтельно приторговымъ Ростовомъ, въ немъ бы мы и ожидали встрѣтить первую суздальскую лѣтопись. Можетъ быть, такая лѣтопись тамъ и существовала, но она не имѣетъ ничего общаго съ тою ростовскою лѣтописью, слѣды которой такъ ясны въ Лаврентьевскомъ сводѣ: эта послѣдняя лѣтопись, поздняя по происхожденію, была, очевидно, княжескою лѣтописью и связывалась не столько съ судьбою стараго Ростова, сколько съ судьбою Константина Всеволодовича и его сыновей. Итакъ, мы находимъ въ Лаврентьевскомъ сборникѣ слѣды ростовской лѣтописи, составленной современникомъ Константина и его сыновей, слѣдовательно, въ первой половинѣ XIII ст. Естественно возникаетъ вопросъ, не есть ли Лаврентьевскій сводъ продолженіе, дальнѣйшее осложненіе того лѣтописнаго свода, который представляла изъ себя эта ростовская лѣтопись. Возможно, конечно, что ростовская лѣтопись въ извѣстномъ извлеченіи помѣщена была въ Лаврентьевскій сборникъ самимъ Лаврентіемъ или въ протографъ его — составителемъ свода, работавшимъ въ началѣ XIV в., но возможно также, что въ извѣстной части своей Лаврентьевскій сборникъ представляетъ древнѣй лѣтописный сводъ, составленный въ Ростовѣ въ первой половинѣ XIII ст. Имѣя въ виду, что въ лѣтописномъ разсказѣ 1206 - 1231 года мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ личностью, которую можно признать за жителя Ростова и за прпрверженца ростовской княжеской семьи ¹⁾, при чемъ личность другого лѣтописца — владимирскаго не проявляется; что въ изложеніи даже обще-суздальскихъ событій 1206 - 1231 года проводится точка

1) Ср. подъ 1206 годомъ разсказъ объ отправленіи Всеволодомъ сына своего Константина въ Новгородъ, съ приложеніемъ къ нему похвалой Константину; подъ 1207 извѣстіе объ освященіи Константиномъ церкви св. Михаила въ Ростовѣ, сопровождаемое благочестивыми размышленіями, подъ 1211 извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, «Богу поущьшо за умноженіе грѣхъ нашихъ и неправды», при чемъ Константинъ призываетъ утѣшать ростовцевъ, подъ 1216 извѣстіе о смерти ростовскаго епископа Пахомья, похороненнаго Константиномъ, подъ 1218 извѣстія о событіяхъ во Владимирѣ, гдѣ Константинъ былъ великимъ княземъ, а также извѣстіе объ отправленіи Василія и Всеволода Константиновичей на столъ въ Ростовъ и Ярославль; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о смерти Константина, сопровождаемое длиною похвалой ему; подъ 1227 годомъ извѣстіе о поставленіи Митрофана епископомъ Владимирскимъ, записанное, по указаніямъ Соловьева и Тихомирова (с. 261), ростовскимъ лѣтописцемъ, случайно бывшимъ въ то время во Владимирѣ; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о женитьбѣ Василька Константиновича и о прибытіи его въ Ростовъ съ молодою княгиней, «и бысть радость велика и градъ Ростовъ».

зрѣнія, благопріятная христіанскому, блаженному и доброму князю Константину (напр. подъ 1211 г. не рассказано о его размовкѣ съ отцомъ, Юрій подъ 1212 и сл. годами не названъ даже великимъ княземъ, о разпрѣлхъ между Всеволодовичами говорится совершенно кратко и глухо, вопреки другимъ лѣтописямъ, напр. Переяслави Суздальскаго и той владимирской, которая отразилась въ Воскресенскомъ, Тверскомъ и другихъ сводахъ), — я думаю, можно съ большою вѣроятностью утверждать, что въ основаніи Лаврентьевскаго сборника лежитъ ростовскій лѣтописный сводъ первой половины XIII в., обособленный послѣдующимъ лѣтописнымъ рассказомъ о событіяхъ XIII и начала XIV вѣка. Думаю, что этотъ сводъ оканчивался рассказомъ о событіяхъ 1230—1231 годовъ. Основаніемъ для такого предположенія служатъ слѣдующіе разсужденія: подъ 1231-мъ годомъ мы находимъ обширную лѣтописную статью о поставленіи ростовскаго епископа Кирилла и о первыхъ дѣлахъ его по принятіи епископскаго сана. Характеръ этой статьи совершенно отличаетъ ее отъ всего предыдущаго лѣтописнаго рассказа, гдѣ сказывается мѣстный лѣтописецъ ростовскій, приверженецъ князя Константина и его семейства. Ею какъ бы начинается новая лѣтопись, главный интересъ которой уже иной, чѣмъ у предшествовавшей ростовской лѣтописи; слова: «любовному ученью же и тицанью дивлясь сего честнаго святителя Кирилла, с страхомъ и покореньемъ послушал, въ уздѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входѣ написанъя собе вдахъ, сего перваго словесе дѣтели написать; зѣло бо велье дѣло паче насъ восприяхъ, боязнью послушанъя, разумѣхъ в Притчахъ глаголемое: яко сынъ послушавый в погібель будетъ, послушливый же кромѣ ея будетъ», — эти слова, какъ они не затемнены мѣстами позднѣйшими переписчиками (издатель Лавр. списка предлагаетъ вм. дѣтели чтеніе дѣтелъ, отнесъ это слово къ Кириллу), ясно показываютъ, что статья о Кириллѣ начиналась или лѣтопись, посвященная дѣятельности Кирилла (ср. въ Лавр. сборникѣ о Кириллѣ подъ 1237, 1239 гг., при чемъ въ извѣстіи объ освященіи церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ опъ названъ священнымъ епископомъ Кирилломъ, такъ же какъ подъ 1231 годомъ), или же особое сочиненіе о немъ. Принявъ во вниманіе, что статья подъ 1231 годомъ написана еще при жизни Кирилла (опъ умеръ въ 1262 году), какъ это видно изъ словъ, приводимыхъ мною въ примѣчаніи ¹⁾, я думаю, что авторъ ея былъ составителемъ особой ростовской лѣтописи, а не составителемъ житія Кирилла епископа. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какія части Лаврентьевскаго сборника могутъ

1) Быстро убо украшеніе ея (церкви св. Богородицы) чудно зѣло, акоже не бысть у преже бывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣсть ли будетъ... Много бо попеченіе створи о церкви святыи Богородица, еже проже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начинала и преходя отъ дѣла въ дѣло.

принадлежать этому продолжателю, остановлюсь на слѣдующихъ подробностяхъ, опредѣляющихъ, думаю, объемъ первоначальнаго ростовскаго свода. Въ разсказѣ 1231 года, мы находимъ слѣды двухъ лѣтописныхъ источниковъ: слова, принадлежащія автору статьи, о которой мы говорили: «не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа и всѣхъ приходящихъ удивляея (вм. удивляя), князя же и велиможѣ, всяку въздрать града Ростова»... разорваны въ Лавр. сборникѣ вставкою послѣ слова «кажа» слѣдующаго содержания: «Того же лѣта родися Василку сынъ, мѣсяца пуля въ 24 день, в праздникъ святоу мученику Бориса и Глѣба, и наречено бысть имя ему Борисъ». Слѣдовательно, редакторъ Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника соединилъ здѣсь два источника: извѣстіе о рожденіи Бориса Константиновича, взятое изъ одного источника, вставлено въ статью о Кириллѣ епископѣ, принадлежавшую другому источнику. Мнѣ кажется, что первымъ источникомъ была та самая лѣтопись, которая была составлена приверженцемъ ростовскаго князя Константина и его семейства. Другое, однородное съ приведеннымъ, извѣстіе читаемъ подъ слѣдующимъ 1232 годомъ: «того же лѣта оженися князь Володимеръ Константиновичъ». Послѣ этого извѣстія, вплоть до 1248 года, мы не находимъ извѣстій, касающихся княжескаго дома Константиновичей: между тѣмъ, за время отъ 1232 до 1237 родились — у Василя Константиновича сынъ Глѣбъ (первый разъ упоминается подъ 1239 годомъ, въ числѣ оставшихся въ живыхъ послѣ татарскаго погрома суздальскихъ князей), а у Всеволода Константиновича сынъ Василій (упоминается тамъ же); въ это же время, вѣроятно, женился Всеволодъ Константиновичъ, что видно между прочимъ изъ того, что подъ 1231 годомъ при княгинѣ Васильковой не упомянута еще княгиня Всеволожа. Отсюда, думаю, можно съ вѣроятностью заключить, что первая ростовская лѣтопись была доведена лишь до 1232 года. Мы находимъ еще одно указаніе на то, что составитель Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника, встрѣтившись, начиная съ 1231 года съ новымъ источникомъ (епископскою лѣтописью), и затруднившись соединить данныя обоехъ своихъ источниковъ (ср. неумѣлую вставку о рожденіи Бориса Константиновича, вызванную хронологическими соображеніями: она помѣщена между событіями 18 мая и 14 августа, о которыхъ говорила епископская лѣтопись), опустилъ нѣкоторые извѣстія своего перваго источника (княжеской лѣтописи). Оказывается, что Лаврентьевскій сборникъ совершенно не упоминаетъ о важномъ въ жизни города Ростова событіи — о перенесеніи мощей св. Леонтія изъ церкви св. Іоанна. Какъ это ясно изъ Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Воскресенской, Никоновской лѣтописей и старѣйшей ихъ Суздальской лѣтописи по Академическому списку, перенесеніе мощей Леонтія имѣло мѣсто 25 февраля 1230 мартовскаго или 1231 ливар-

скаго года ¹⁾. Умолчаніе объ этомъ событіи тѣмъ болѣе страшно, что подъ 1231 годомъ мы такъ подробно читаемъ объ украшеніи и освещеніи храма св. Богородицы. Правда, въ Лавр. сборникѣ мы не найдемъ упоминанія и о паденіи ростовской соборной церкви, послѣ чего мощи святителя были, вѣроятно, временно перенесены въ церковь Іоанна, стоявшую на епископскомъ дворѣ ²⁾; но паденіе церкви случилось въ 1204 году (ср. Воскр., Льв., Твер. и др. лѣтописи); ростовскія же событія княжеской лѣтописи начинаются въ Лаврентьевскомъ сборникѣ съ 1206 года (отправленіе Константина въ Новгородъ). Если эта княжеская лѣтопись подъ 1213 годомъ упоминала о закладкѣ собора «на первѣмъ мѣстѣ падшая церкви», естественно ждать, что подъ 1230 годомъ она скажетъ объ окончаніи храма и о перенесеніи въ него мощей Леонтія ³⁾. Почему же это извѣстіе не попало изъ княжеской ростовской лѣтописи въ Лаврентьевскій сборникъ? Думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что объ этомъ событіи не упоминалъ второй источникъ ростовскихъ извѣстій — епископская лѣтопись, начавшаяся съ 1231 года (Бысть Благовѣщеніе святыя Богородица по пасцѣ во вторицкѣ праздниѣ недѣли). Обратившись къ этому источнику, составитель Лаврентьевскаго свода или его протографа, уже отложивъ свой первый источникъ — княжескую лѣтопись: этимъ объясняется опущеніе извѣстій о перенесеніи мощей Леонтія 25 февраля 1230 года, равно какъ и то, что извѣстіе о рожденіи Бориса Васильковича какъ бы насплу втиснуто въ текстъ епископской лѣтописи, а послѣднее извѣстіе княжеской лѣтописи о свадьбѣ Владиміра Константиновича передано несомнѣнно сокращенно: не сказано, на комъ онъ женился и гдѣ вѣнчался.

Во всякомъ случаѣ думаю, что предыдущее изслѣдованіе указало на нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ объ окончаніи княжеской ростовской лѣтописи около 1232 года. Въ виду приведенныхъ выше соображеній, нахожу вѣроятнымъ, что лѣтопись эта существовала не въ отдѣльномъ видѣ, а въ лѣтописномъ сводѣ приблизительно такого же объема и характера, какъ Лаврентьевскій сборникъ въ части до 1231 года, что, слѣдовательно, ростовскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1232 году, лежить въ основаніи Лаврентьевскаго сборника. Сводъ этотъ принадлежалъ тому самому лицу, которое записало ростовскія извѣстія: это слѣдуетъ изъ того, что и общесудальскія событія, какъ указано выше, излагались здѣсь

1) Львовская лѣтопись им. 25 февраля имѣетъ 6 февраля, причѣмъ по ея свидѣтельству въ тотъ же день была освещена церковь св. Богородицы. То же извѣстіе съ тѣмъ же числомъ въ Тверской лѣтописи (II. С. С. Л. XV, ст. 357), при чемъ ниже оно повторяется еще разъ по редакціи Софійской, Новгородской и др. лѣтописей (ст. 358).

2) Ср. Ключевскій, Древнерусск. житія святыхъ, с. 9—10.

3) Въ Львовской и Тверской сказано, что церковь окончена 6 февраля (ошибочно въ. 25), при чемъ туда перенесли мощи Леонтія и освятили церковь въ тотъ же день.